

А. Н. Романова
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

РАЗНОГОЛОСИЦА МНЕНИЙ И ЕДИНСТВО АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА 30-Х ГОДОВ И НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОМУ»

В работах, посвященных «Современнику», обычно указывается, что журнал задумывался как трибуна писателей пушкинского круга (см., например, работы М. Еремина, Н. П. Смирнова-Сокольского, М. И. Гиллельсона, В. Э. Вацура, К. М. Накоряковой, С. А. Кибальника): «Став издателем «Современника», Пушкин сделал последнюю попытку объединить свой круг писателей и утвердить свою эстетическую программу» (5 : 19).

Но само понятие «пушкинского круга» к середине 30-х годов уже становится несколько неопределенным. Значительны различия эстетической позиции Пушкина и Баратынского. Не сходны политические суждения Пушкина и Вяземского. Далеко не совпадает историческая концепция Пушкина и Погодина, существенно разнятся критические взгляды Пушкина и молодого Белинского, а между тем все эти литераторы привлечены или приглашены Пушкиным к активному сотрудничеству в «Современнике». Неудивительно, что «Современник» с первых дней оказывается обречен на внутриредакционную борьбу. Так, вернейший из друзей Пушкина Вяземский уже с первых дней ищет возможности для создания собственного журнала. Привлеченные к работе В. Ф. Одоевский и М. П. Погодин больше тяготеют к «Московскому наблюдателю», Одоевский совместно с А. А. Краевским даже предлагают Пушкину реорганизовать его журнал. Была ли такая ситуация следствием недостатка у поэта опыта и умения редакционно-издательской деятельности или она создается им преднамеренно для осуществления собственного замысла?

Являясь творением Пушкина, «Современник» обладает многими признаками его литературных созданий. Осмыслить своеобразие «Современника» возможно только в контексте художественного метода поэта.

«Цель поэзии идеал, а не нравоучение», – писал Пушкин. Отказываясь поучать сограждан, Пушкин никогда не отказывался от права поэзии выражать идеал или размышлять об идеале, ставить проблемы, сталкивать мнения. Многие образцы его лирики явно или скрыто полемичны. Уже первые опыты Пушкина в прозе представляют собой образец литературной полемики, облеченной в форму эпистолярного романа. И в конце 20-х, и в середине 30-х годов мы находим в прозе Пушкина фрагменты, приближенные к излюбленной им форме интеллектуального диалога (блестяще воплотившегося также в письмах и статьях поэта).

Ярким примером подобного интеллектуального диалога служит известная сцена из прозаического наброска «Мы проводили вечер на даче». Спор о Клеопатре, которая торговала собой, но ценой любви назначала смерть, становится полемикой о современном человеке, о возможности перенести в современность не столько ужасные нравы древности, сколько силу чувств, полноту проживания

жизни, отличавшую людей в далеком прошлом. Пытаться отождествить мнение какого-либо персонажа с мнением автора в споре о Клеопатре так же бессмысленно, как пытаться отождествить любого из этих героев с Пушкиным. Когда речь идет о вопросах в высшей степени сложных, не имеющих простых, однозначных решений, Пушкин прибегает к столь же сложной организации текста. Распределение голосов между персонажами, представляющими разные позиции, позволяет выявить глубину проблемы, дать ее противоречивое истолкование, при этом обнаружить слабость крайних, поверхностных, необоснованных суждений. Соединяясь в сознании читателя с образами комичных или пошлых персонажей, сами высказанные мнения обнаруживают пошлость, поверхностность: «Есть и нынче женщины, которые ценят себя подороже...»; «Этот предмет должно бы доставить маркизе Жорж Занд, такой же бесстыднице, как и ваша Клеопатра»; «...таковой торг нынче несбыточен, как сооружение пирамид» (3 : 423–424) Но и мнения героев-протагонистов не воспринимаются в контексте ситуации как абсолютная истина. Так, согласие Вольской повторить опыт Клеопатры отнюдь не воспринимается как доказательство духовной силы современного человека.

В прозе Пушкина 30-х годов нередко создается особая ситуация художественно-философского диалога, в котором позиция поэта воспринимается как почти неуловимая, «текущая», распределенная между участниками спора, что позволяет ей охватывать отдельные точки зрения, быть противоречиво-целостной, синтетической. Подобная форма полемики создается Пушкиным-редактором и на страницах «Современника». Пушкин вовсе не ставит перед собой цель высказать единственно верную точку зрения и внушить ее читателю. Ему важно указать на противоречивость исходных суждений, вскрыть слабость позиций идейных противников. Пробудить мысль читателя, а не усыпить ее обычными в то время журнальными шуточками или бранью, стимулировать дискуссию, придав ей основательность и вовлекая в нее читателя на равных. Вот в чем принципиальное отличие пушкинского журнала от современных ему изданий, где круг сотрудников есть круг единомышленников и позиция редактора довлеет над всем. «Практически, весь XIX век характерен изданиями, которые прежде всего отражали волю редактора и издателя, поскольку, как правило, на страницы изданий попадали произведения тех авторов, чья позиция совпадала с позицией издателя. По сути, Пушкин и в этом случае опередил свой век, четко обозначив меру взаимодействия автора и редактора: редактор должен, имея собственную позицию, не лишать и автора права на собственную» (1).

Действительно, Пушкин объединяет в «Современнике», как прежде в «Литературной газете», тех, кому неудобно участвовать в других изданиях, то есть людей, известных несогласием с позициями уже имеющихся журналов или сумевших сохранить достаточную свободу суждений, в том числе свободных и от поклонения или подражания по отношению к самому Пушкину. Так, ценнейшими сотрудниками журнала он считает именно М. Погодина и В. Одоевского, расхождение с которыми осмыслено поэтом еще в конце 20-х годов, после сотрудничества в «Московском вестнике».

Разность позиций сотрудников журнала не являлась в глазах Пушкина препятствием к сотрудничеству в нем: «...несовпадение мнений отнюдь не всегда

приводило к антагонизму», – отмечает В. Э. Вацуро характерную черту редакционной политики Пушкина (5 : 21). Поэт не стремился сгладить противоречия между сотрудниками журнала, спрятать их от публики и создать видимость идейного единства, скорее наоборот. Вот небольшой, но весьма показательный пример пушкинской редактуры.

В третьем номере журнала публикуется статья М. П. Погодина «Прогулки по Москве». Автор по ходу дела сетует на неграмотность вывесок и приводит в пример неправильное, с его точки зрения, написание на вывеске слова «богадельня» (по Погодину, его нужно писать «богодельня»). Тут же мы находим примечание издателя, опровергающее это суждение: «Слово это весьма неправильно составлено из двух слов *Бога деля* (для), и потому должно писать богадельня. – *Изд.*» (6 : 233) (курсив А. С. Пушкина. – *А. Р.*).

Невозможно удержаться от недоумения: почему Пушкин не поправил замеченную им ошибку Погодина при подготовке к публикации? Изъять этот пример из текста статьи, оставив другие, более точные, не стоило никакого труда. Нельзя сослаться и на то, что Пушкин «недосмотрел» ошибку в рукописи и решил исправить ее уже в корректуре: эта статья проходила цензуру несколько раз и была, очевидно, неоднократно перечитана поэтом до печатания. Замечание, хоть и вежливое, не может быть приятно автору статьи. Оно бросает тень не только на грамматические штудии Погодина, но и на другие суждения, высказанные в его статье. И все-таки Пушкин поступает именно так. В этом видится принципиальная позиция: автор отвечает за свои слова, его право высказывания не оспаривается, но позиция автора и позиция журнала – не одно и то же. Слово, напечатанное в журнале, – не догма. Читатель вправе и должен осмыслить противоречие, на которое ему указали, осознать проблему, самостоятельно выбрать верный вариант. Речь не только о слове «богадельня», сомнению подвергаются рассуждения Погодина о полезности для общества угасания московской дворянской роскоши: «Дома эти (Куракиных, Голицыных, Пашкова и других аристократических фамилий. – *А. Р.*) достались обществу, и где обитала праздность, там теперь поселился труд. Перемена утешительная!» (6 : 232) В полемику со статьей Погодина вступает Д. В. Давыдов своей комической «Челобитной» и сам Пушкин – «Родословной моего героя».

Как видим, независимо от своего желания, авторы журнала начинают участвовать в создаваемом Пушкиным интеллектуальном диалоге. В роли участников полемики выступают не только реальные авторы журнала, но и созданные Пушкиным «маски», его двойники, в разной степени отчужденные поэтом. Таким способом организуется дискуссия о Вольтере в пушкинском «пастише» «Последний из свойственников Иоанны Дарк», размышление о Радищеве в «Путешествии из Москвы в Петербург» – произведениях, разрушивших границы между публицистикой и художественной прозой и созданных полностью в духе «Современника».

Да, Пушкин создает *свой* журнал: но не трибуну, а, скорее, кафедру или, говоря сегодняшним языком, «круглый стол», среду, которая методологически вводит читателя в поле культуры, приобщает к диалектическому мышлению, показывает возможность сосуществования противоречивых суждений в пространстве диалога.

Не новой ареной непристойной журнальной брани, а школой достойной и сдержанной полемики задуман был «Современник». Насколько органично

такое стремление для Пушкина в середине 30-х гг., можно судить по сцене, описанной в воспоминаниях И. А. Гончарова: бывшие непримиримые враги Пушкин и Каченовский встречаются на лекции в университете и вступают в ученую дискуссию о подлинности «Слова о полку Игореве». «Пушкин говорил с увлечением, но тихо, сдержанным тоном, – отмечает Гончаров. – В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека» (2 : 251–252). Об этой встрече поэт с удовольствием упоминает в письме к жене, противопоставляя ее прежним временам, когда они с Каченовским «бранились, как торговки на вшивом рынке» (4 : 33).

Воплощение принципов достойной дискуссии, демонстрация «золотой середины» между утверждением «святости» всякого печатного листа и циничной торговлей ресурсами печати – это важнейшая задача, поставленная Пушкиным, и она в полной мере реализована четырьмя номерами «Современника». Не вина Пушкина, что преподанный им урок благовоспитанности не привился русской печати и она направилась по пути противоположному – к эпохе еще более кровавых журнальных спаррингов, в которых вскоре станет чемпионом уже Некрасовский «Современник».

Библиографический список

1. Антонова С. Г., Соловьев В. И., Ямчук К. Т. Редактирование. Общий курс // <http://www.mgup.ru/address>.
2. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 2. СПб., 1998.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 8. Романы и повести. Путешествия. М., 1995.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 15. Переписка. 1832–1834. М., 1996.
5. Вацуро В. Э. Пушкин и литературное движение его времени // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
6. Современник, литературный журнал А. С. Пушкина. 1836–1837: Избранные страницы. М., 1988.

Ю. В. Лебедев

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

О ДУХОВНЫХ КОРНЯХ РЕАЛИЗМА Н. В. ГОГОЛЯ

Творчество Гоголя обозначило новую фазу в развитии русского реализма. Сначала Белинский, а потом Чернышевский стали утверждать, что этот писатель явился родоначальником «гоголевского периода» в нашей литературе, который начался со второй половины 1840-х годов. Правда, содержание этого нового периода сводилось у них к развитию так называемого обличительного направления в литературе. В Гоголе они видели первого писателя-сатирика, сокрушившего в «Мертвых душах» коренные основы существовавшего в России общественного строя. Это был крайне односторонний взгляд на существо реализма Гоголя. Ведь